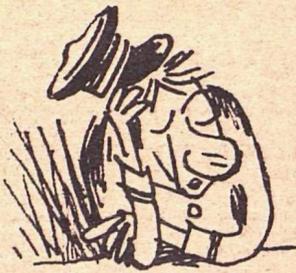

Доброе утро

Станция Репетек уютно спит меж барханов. Каракумы. Рассвет. Сонно ковыляет по перрону одинокий жу-скарабай.

Спят в зале ожидания пассажиры. Как и водится на железных дорогах, спят вповалку на железобетонном полу и на еще более железобетонных скамейках.

Из привокзального домика выходит на крылечко полноватый мужчина в чистой ночной рубашке и потягивается. Потом бредет на перрон, теряет шлепанец, надевает его обратно, равнодушно подфутболивает скарабая и опять теряет шлепанец.

— Не спишь, — сообщает он появившейся дежурной.
— Ну да? — не верит та.
— Ей-богу, — подтверждает полноватый.

Выходят на перрон и пассажиры. Тоже потягиваются. Топчутся у кассового окошечка. Скоро должен подойти скорый поезд № 23 Ашхабад—Москва.

— А хыво хашша хрыта? — произносит полноватый и, назевавшись, повторяет: — Касса, говорю, чего не работает?

— Кассир спит, — отвечает дежурная. — Ушли будить. Может, проснется.

— А-а, — успокаивается собеседник.
— А? — обеспокоиваются пассажиры. — А вдруг не проснется? Давай побегим, сильно будить будем!

Но тут возвращается посланный за кассиром и оповещает всех, что кассир встает, отказывается, потому что по утрам спать хочется и потому что который настоящий пассажир — он билет должен был накануне приобрести.

Тут и поезд из-за барханов выкатывается, и народ с неприобретенными билетами поднимает гвалт. Споры в народе возникают. Решительные люди предлагают пойти к кассиру и оказать грубое физическое давление, а еще более решительные предлагают сунуть деньги прямо проводнику и катить зайцем.

И только двое спокойно берут свои вещички и спокойно ждут. Они — «которые настоящие пассажиры». Они запасливые. Они запаслись билетами накануне. На билетах написано: «Вагон № 8».

Вот он, наконец, и поезд. Вот он и вагон № 8. «Которые настоящие» торопятся к нему.

А он заперт. «Настоящие» стучат в дверь кулаками, потом подхватывают вещички и таяно бегут к следующему вагону, к девятому.

Но и он заперт. И поезд уже дернулся.

— Мы вот они! — кричат двое. — Пустите! Не отпирают проводники. Дремлют, видимо.

Уже поезд тронулся, уже десятый вагон мимо катится... с открытой дверью. С отпертой!

Двое «обилеченных» впрыгивают на ходу, «необилеченные» остаются на перроне.

В поезде спокойно. Тихо. Благодать. Народу мало, и все спят. Двое новеньких добираются до своего места и тоже лезут на полки. И правильно. Сон заметно освежает организм и успокаивает нервы.

М. ЕВГЕНЬЕВ

Туркменская ССР.

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Рисунок О. КОРНЕВА

Точь-в-точь, как предки

Вот парадный подъезд. По торжественным дням... а именно каждый год 1-го сентября, веселой гурьбой собираются здесь школьники. Очутившись перед домом, они затихают и с замиранием сердца, на цыпочках поднимаются по скрипучим ступенькам. А вдруг рухнут!

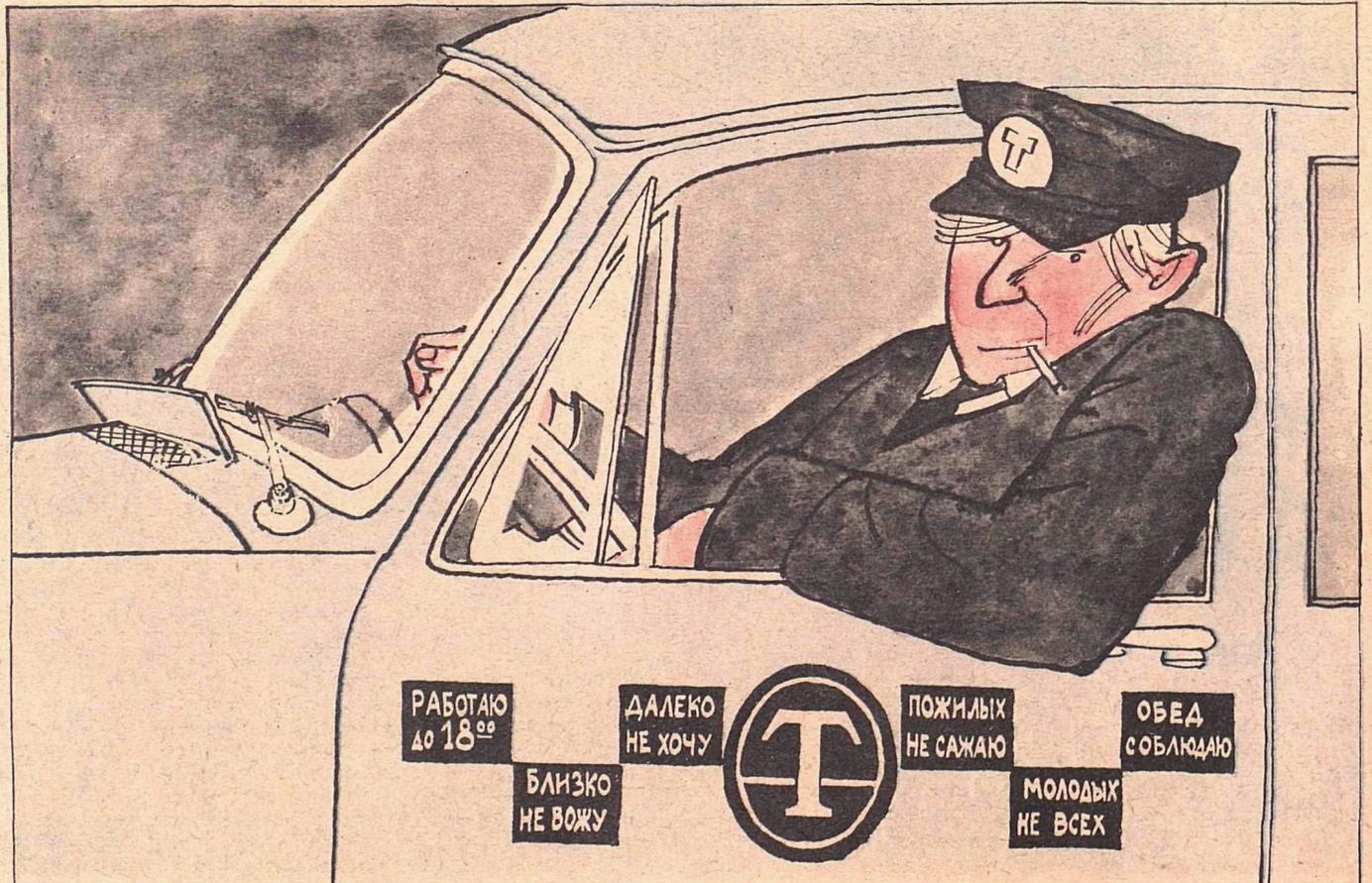
Поскучневшие, начинают они свою школьную жизнь. Опять им приходится заниматься в тесных комнатухах. Потому как эта историческая халупа и есть средняя школа в селе Красный Яр (Оренбургская область).

А совсем рядом уже несколько лет строится новая школа на 320 учащихся, со светлыми классами, учебными лабораториями, про-

сторным спортивным залом. Каждый год руководители Илекского райисполкома грозятся открыть ее — уже и электричество и радио в старой школе отключили.

Грозятся, но не спешат. Пусть дети на практике узнают, в каких условиях учились их предки.

В. СИНЦОВА

Внес ясность...

Рисунок Е. ГОРОХОВА

ЖУРНАЛ

Во что обошлась копейка

В один прекрасный день, вскрыв конверт заказного письма, поступившего от Московского холодильника № 9 Росмясорыбторга, мы были приятно удивлены, обнаружив в нем оформленный по всем правилам бухгалтерский документ об уплате государственной пошлины ровно на 01 (одну) копейку. В препроводительном письме совершенно серьезно указывалось, что Московский холодильник № 9 в дополнение высылает платежное поручение об уплате госпошлины в сумме 01 коп. по иску и заготовконтре Барвенского райпотребсоюза. Внизу стояла подпись лица, расписавшегося за зам. директора холодильника № 9 тов. Шевлякову.

Указанное платежное поручение № 234 от 8 февраля 1968 года свидетельствовало, что сумма 00—01 коп. списана через Тимирязевское отделение Госбанка со счета Московского холодильника № 9 и зачислена на счет Тимирязевского райфинотдела в доход местного бюджета. Данная финансовая операция засвидетельствована двумя подписями должностных лиц банка и скреплена гербовой печатью.

Только заказная почтовая оказия обошлась холодильнику в 11 копеек. Но нужно еще учесть стоимость других затрат по копеечной операции: работу бухгалтера холодильника по оформлению документов на уплату копейки (а эти документы готовятся в четырех экземплярах), затем затраты по пересылке этих документов в банк, работу сотрудников банка по оформлению своих документов и зачислению копейки на счет райфинотдела.

Кстати, райфинотдел также по всем своим правилам оформил поступление в бюджет одной копейки.

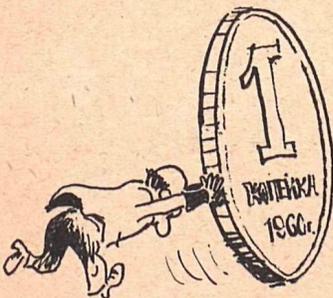
Вот во что обошлась копейка.

Дело, по которому уплачивалась госпошлина 00—01 коп., касалось вопроса поставки куриных яиц. Не говоря уже о том, что само это арбитражное дело стоило выеденного яйца, холодильник, можно сказать, уплатил эту копейку просто на смех курам, которые снесли эти яйца. Дело в том, что доплачивать 1 коп. госпошлины и не требовалось, так как ранее, при направлении дела, пошлина была уплачена сполна.

Теперь мы оказались перед трудной задачей. Согласно инструкции, излишне уплаченная госпошлина подлежит возврату. Если не вернуть, получится нарушение, а если вернуть, то придется повторить глупость работников холодильника № 9, но уже в обратном порядке.

Вот, дорогой Крокодил, сколько хлопот, ненужного труда и затрат может причинить головотяпство размером только в 1 копейку!

В. КЛОЧКОВ,
госарбитр Харьковского облгосарбитража.

Принцип есть принцип

Они жили в одной комнате. Когда один слушал Баха, два других уважительно молчали. Когда тот, что учился в десятом классе, не мог решить уравнение, ему помогал тот, что заканчивал институт. Когда один потерял аппетит и принял два других терпеливо выслушивали, какая у нее необыкновенная походка и как она вчера посмотрела на него. Словом, они дружили. Они — это Овод, Латышев и Лемешко.

А тем временем Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, на котором они работали, достигал общезнания. Хорошее такое общежитие, под юбилейным номером 10. Вскоре состоялось распределение, и друзья узнали, что оказались они в разных комнатах. И даже в разных подъездах.

Тогда они пошли к коменданту.

— Мы хотели бы жить вместе...

Комendant сурово шелест бумагами.

— Уважительные причины? Почему вместе жить хотите?

— А-а... Мы, знаете, дружим.

— Это неуважительная причина. У нас производственный принцип. Каждому цеху — свой подъезд.

— Но по-человечески если...

Комendant медленно поднял голову.

— Как вы сказали? По-человечески? Такого принципа у нас, извините, нет. У нас только производственный принцип.

После этого ребята обратились и начальнику ЖКУ тов. Погребнову.

— Ради бога, — сказал тов. Погребнов и написал коменданту записку.

Комendant взял записку за уголок и пошелестел ею.

— Не, — сказал он, — для меня это не авторитет. Для меня авторитет лишь товарищ Цуркан.

Пошли к заместителю директора комбината товарищу Цуркану.

— Комendant прав, — сказал товарищ Цуркан. — У нас производственный принцип. Мы, понимаешь, в бурьяне молодыми жили, а для вас вон какое общежитие отгрохали.

Трехподъездное. Под юбилейным номером десять. А вы все недовольны.

— Но ведь если нас поселят вместе, никому от этого не станет хуже...

— Хуже-то не станет. Но принцип есть принцип. Его блюсти надо.

И товарищ Цуркан углубился в текущие дела.

Р. КИРЕЕВ

Ну, как не порадовать...

Пришел я однажды в баню с самыми чистыми намерениями — помыться. Пристроился в очередь к последнему веннику. Впереди меня завязался интеллектуальный спор на тему о тазах. И вот на самом кульминационном моменте, когда один из спорящих почти доказал другому, что из нового таза гораздо удобнее мыться, чем из дырявого, раздался властный окрик банщицы К. Лошкиной:

— Вань, иди!

Ваня, мужчина пенсионного возраста, отделился от толпы и не спеша отправился совершить омовение. Ну, Ваня, думаю, можно. Человек он пожилой, стоять в очереди ему трудно. Это даже, думаю, гуманно. Но вот раздался тот же клич:

— Коль, иди!

Двадцатилетний парень, без труда разорвав цепочку очереди, бодрой походкой направился вслед за старичком. И тут мне захотелось поинтересоваться философией крикуньи.

— А как вы думали? — искренне удивилась она. — Кто-то будет мыться, а мой кум или племянник стоять будет? Да они меня тогда из родни уволят!

Пока я мылся, жизнь в городе вроде бы не остановилась. К магазину № 73, что по улице Урицкого, лихо подкатил грузовичок. А через несколько минут продавщица В. И. Букина распилась в получении 95 килограммов колбасы редкого сорта. Посмотрела Валентина Ивановна на эту продукцию и бескомпромиссно подумала: рядовому покупателю этого не отдавать. И действительно, не успела она подойти к прилавку, как около нее, словно из-под земли, появилась сестра — А. Майбурова. И здесь же была щедро вознаграждена за свои телепатические способности. За сестрой потянулись знакомые. В руках они держали огромные мешки, в которые свободно вместились бы дневные припасы магазина.

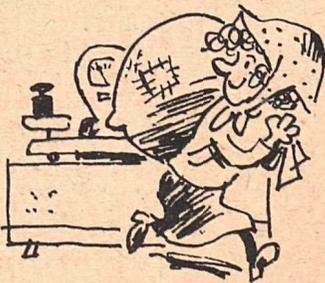
— Ну, как не порадовать родному человечку?

Это уже не Букина говорит — это мастер Кемеровского электротехнического завода П. Т. Остапцев, который помог родственной душе В. А. Шипилову, работнику политехнического института, вывезти с территории завода 130 килограммов листового железа вместо 50, указанных в документации. Такие же вещи слова были произнесены и женой Остапцева — начальником заводской канцелярии, — с помощью которой муженек вывез домой почти тонну (949 килограммов) дорогостоящего металла.

Любопытно, что квалифицировались эти родственные деяния не как расхищение, а как безответственность. Ну и наказание было соответственно отеческим, семейным.

А. ПИВОВАРОВ

г. Кемерово.

покупаайте

ГОТОВЫЕ КОТЛЕТЫ!

Моя РЕКЛАМА

Рисунки В. ЖАРИНОВА

Он должен остаться

Его последняя отсидка была очень тяжелой. А ссылка в заштатный уезд после того, как он отсидел свой срок, dokonала совсем. В столице, куда вернулся после ссылки, он оказался одиноком как перст. Жена развелась с ним, когда он был еще в тюрьме. Всякий на его месте впал бы в отчаяние: ни близких людей, ни средств к существованию... Неужели следовало начисто порвать с политикой, со всем, что дорого, и прозябать, забившись в щель? Прежде всего нужно найти какое-то пристанище, где можно было бы приклонить голову. Плата за жилье в центре города ему не по карману, да и на окраине тоже очень дорого... Он устал от вечных долгов и ожидания судебного исполнителя, который в любой момент мог явиться и описать его старую пишущую машинку и жалкие пожитки. Особое же отвращение он испытывал к соседям, этим любопытным, полным страха и ненависти людшкам, оглядывавшим его с ног до головы, как презренную тварь, недостойную сожаления. Он мечтал снять дешевый маленький домик на далекой городской окраине, подальше от глаз людских.

После долгих поисков он нашел наконец, что хотел: хибарку в полторы комнаты в поселке из пяти—десяти таких же хибар, на холме, часах в полутора ходьбы от города. То обстоятельство, что его жилище было отдалено от других, очень радовало его.

Когда он занавесил окна старыми газетами, то почувствовал себя дома и в полной безопасности. Он был счастлив. Теперь бы только хоть какую-

нибудь работенку, чтобы обеспечить пропитание...

Недалеко от его обиталища, в бараке напротив, торговал бакалейщик. Чуть левее, под наспех сколоченным навесом, расположился с лотком торговец фруктами. У лавки бакалейщика расположился торговец бубликами; он приходил каждый день после обеда и оставался до темноты. Затем к продавцу бубликов пристроился торговец кукурузой. Перед навесом фруктовщика какой-то человек начал торговать с лотка восточными сладостями. Позже тут появился чистильщик обуви, а за ним — бродячие продавцы шерbeta и халвы. Под старым зонтом пристроился сапожник.

Вскоре перед его хибарой образовалось нечто вроде базара. Мусорщик с утра до вечера работал здесь метлой. Целая стая бродячих торговцев облюбовала вдруг это место. Между бакалейной лавкой и фруктовой натянули тент летней кофейни. Прохожих стало больше, все вокруг оживилось. Пустовавшие до сих пор домишки и углы в них были сданы. Жизнь забила веселым ключом. Однако он все еще сидел без работы. Несмотря на усиленные поиски, ничего не получалось. Сколько раз, бывало, дела будто бы налаживались, но как только работодатели узнавали в полиции, кто он и что он, сразу же место оказывалось занятым и ему показывали на дверь.

Чтобы сэкономить на жилье, он решил поселиться у приятеля в городе. Они уже договорились об этом, но как выбраться отсюда? У него успели накопиться долги, хотя и незначительные, бакалейщику,

фруктовщику и другим торговцам. С ними нужно было рассчитываться.

Как-то вечером, прикидывая, что он может продать и как будет перебираться на новое место, он услышал стук в дверь. Пришли трое: бакалейщик, фруктовщик и хозяин кофейни... Он смутился и пригласил гостей в свою бедную комнату.

— Извините, мне нечем вас угостить.

— Ничего, — улыбнулся бакалейщик, — мы кое-что прихватили, вот кофе, вот сахар, — и выложил несколько кулчков на стол.

Он смотрел на них с удивлением. Что бы это значило? Когда они вошли, он решил, что торговцы пришли за долгами, но почему же с подарками?

— Неужели это верно, что вы собираетесь отсюда переезжать? — спросил фруктовщик.

— Да, собираюсь...

Теперь он, кажется, понял, почему они пришли. Видимо, его предстоящий переезд заставил их поторопиться, чтобы он не улизнул, не рассчитавшись с ними.

— Да, но откуда вы узнали, что я собираюсь переезжать?

— Мы все узнаем, из-под земли узнаем... — ответил многозначительно хозяин кофейни.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь удирать от вас. Я все заплачу...

— Дорогой, стыдно говорить о таких пустяках, разве кто торопит вас с долгами?

— Об этом и говорить не стоит, милейший, — сказал бакалейщик. — И что это за деньги?

— Что касается долга мне, — сказал фруктовщик, — то пусть

он будет вам во благо, я никогда не напому о нем, и если даже вы захотите отдать, я не возьму...

— Но почему же?

— Мы так вас ценим...

— Вы сделали нам много добра...

— Бог с вами, что вы! — с трудом смог вымолвить он: к горлу подступил комок.

Значит, они знали, что он трудился для народа... А он-то впал в уныние, поддался пессимизму, собирался прекратить политическую деятельность... Разве можно оставлять этих людей?

— Не думайте больше о переезде, мы вас очень просим, — проговорил хозяин кофейни.

— Я вынужден это сделать, мне нечем платить за жилье...

— Мы знаем, — сказал фруктовщик, — мы все знаем. Мы, все здешние торговцы, решили собирать деньги и каждый месяц платить за ваше жилье, лишь бы вы отсюда не уезжали...

На глазах у него навернулись слезы, а на душе стало радостно впервые за многие годы борьбы и лишений.

— Нельзя, я не могу согласиться, — отказывался он. — Я не имею работы. Здесь трудно жить, я найду пристанище у приятеля.

— Мы, здешние торговцы, — опять заговорил хозяин кофейни, — вот уже сколько дней думаем, как помочь вам, только и толкуем об этом деле... В какую бы сумму ни вылились ваши расходы, мы берем их на себя... Только не уезжайте отсюда... Не покидайте нас... Мы все умоляем вас...

Он еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Что бы там ни

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС

Трудные задачи

Детей следует воспитывать на положительных образцах. Мой отец считал положительным примером для меня свою работу в деревообделочной промышленности.

— Я в твои годы деревья рубил! На хлеб зарабатывал, оболтус!

Это была невероятная история, так как вокруг нашего города последние деревья вырубали еще в доисторические времена, а уже при жизни Нестора-летописца нашу местность называли Диким Полем. Но отец об этом историческом факте ничего не знал. А я знал: в школе проходили.

Со временем, чтобы не влипнуть в такую же историю при разговоре с дочерью, я делился своим положительным опытом более предусмотрительно:

— Опять двойка? Не можешь подсчитать: «два плюс семь минус три»? Да я в твои годы такие задачки щелкал, как орехи! А разве у нас такие задачки были? Ужас, а не задачки! К примеру, стоит порожний резервуар, в одну трубу вода течет, а из другой вытекает — поди узнай, когда этот резервуар наполнится... Кош-

мар! А для меня это было пустяковое дело.

Но настал день, когда дочка сказала:

— Папа, вот учительница дала нам решить задачку... Это ужас, а не задача! Понимаешь, папа, стоит порожний резервуар, в одну трубу вода течет, а в другую вытекает — попробуй тут узнать, когда этот резервуар наполнится... Кошмар!

Я немедленно спрятался за газету.

— Некогда мне, — пробормотал я, с непреодолимым страхом вспоминая эти задачи. — Спроси у мамы...

— Иди к папе, — сказала жена, — я такие задачи всегда у твоего папы списывала.

Пришлось отложить газету.

Значит, так: в одну трубу течет, в другую вытекает... Господи, сколько уже воды с тех пор вытекло, как я решал такие задачи! Да и разве я их решал? То мой отец их решал! А для него это было пустяковое дело: мой отец в то время уже руководил городским водопроводом. Бывало, запретя в кабинете часа на два, а то и больше, потом выходит

с готовым решением и говорит:

— Эх ты, оболтус! Мы в твои годы разве такие задачи решали?... Учись, дурень, инженером будешь... Инженер — это сила! Ты ему только дай исходные данные, он тебе сразу конечный результат сообщит. Ну, а теперь когда мы знаем конечный результат, то и сами справимся. Ну-ка, садись и давай вдвоем подумаем...

Отец мой два года как на пенсии, — пора бы уже и проведать старика. Наверное, обрадуется, борода, что сынок с невесткой его не забывают... Решено — пойду. Вот сейчас, не теряя времени, встану и пойду.

— Марина! — кричу жене. — Собирайся, к родителям пойдём... Никаких завтра! Знаем мы эти завтра! Завтра, послезавтра, через год! А ты, малышка, не хнычь! Вот вернусь — за пять минут твою несчастную задачку решу... Мы в твои годы разве такие задачи решали?! Ну, куда ты свою задачку девала?

Отец встретил нас радостно. Мать тоже. Приятно посидели, потолковали на международ-

ные темы, винца попили, анекдоты рассказали. А затем ударились в воспоминания о минувшем.

— Помнишь, батя, — востроженно начал я, — как ловко ты когда-то решал задачи о трубах? Просто-таки гениально! От этих задач ведь с ума можно сойти: стоит порожний резервуар, в одну трубу вода течет, а в другую вытекает...

— А, бывало всякое, — мечтательно произнес старик. — Что было, то было...

— А сейчас, батя, ты мог бы решить такую задачку?

— И хитрющая же ты штука, сынок: знаешь, а спрашиваешь... Я ведь и тогда их не решал...

— Как так? — оторопел я.

— А вот так. Запирался в кабинете и звонил главному инженеру Кириллу Мефодьевичу.

— Не может быть!

— А ты разве не знал? Что было, то было...

Представляете? И это родной отец! Срам какой! Меня даже в жар бросило.

— А сейчас ты не мог бы позвонить Кириллу Мефодье-

говорили, а в стране произошли большие сдвиги, даже торгаши пробуждаются от политической спячки! Значит, не зря он столько лет боролся. Ведь несколько лет назад эти люди с ним даже не поздоровались бы.

— Большое спасибо,— сказал он,— благодарю, вы меня очень растрогали. Но я не могу принять вашу помощь...

Гости снова начали умолять его.

— Мы хотим,— сказал хозяин кофейни,— чтобы вы не уезжали из нашего квартала, всегда были с нами...

— Так, но почему же?

— Как же, уважаемый, благодарю вас мы, все здешние торговцы, поправили свои дела...

— Что вы, помилуйте... Ведь я не делаю больших покупок...

— Эх, что ваши покупки!.. Это мелочь... Главное, другие покупают... Вы нам счастье принесли... До вашего приезда в мою лавку заходило человека три-четыре в день, а теперь — только поворачивайся. Вы дали жизнь нашему кварталу.

— Все благодаря вам...— подхватил бакалейщик.

— Подумайте и о нас,— сказал хозяин кофейни.— Если вы отсюда уедете, все захиреет. Мне первому придется закрыть кофейню!

И они снова на все голоса стали просить его остаться.

— Спасибо, но чем я заслужил все это? У меня нет никаких особых заслуг... Что я такого сделал для вас, что вы просите меня не уезжать отсюда?

— Вы сделали нам конъюнктуру,— сказал фруктовщик.— Как только вы поселились в

этой лачуге, сюда нагнали целый полк полицейских следить за вами. Полицейские действуют под видом мусорщиков, чистильщиков сапог... Затем прибыли еще полицейские под видом торговцев. Они проверяли работу тех, первых, а за вторыми следили третьи... И началось у нас столпотворение.

— Сначала у нас все спрашивали и узнавали, чем вы занимаетесь,— сказал бакалейщик.

— Все они заходили к нам в лавку, покупали что-нибудь,— добавил фруктовщик.

— Только благодаря вам дела мои пошли на лад,— сказал хозяин кофейни.— Они сидят у меня до вечера и попивают кофе, а мне капает...

— Так это все полицейские?!— горестно спросил он.

— А кто же еще! Если вы отсюда уедете, жизнь опять замрет... За вами уйдут все полицейские...

— И мы пропали,— сказал бакалейщик.

— Пожалейте нас, бедняков,— заскулил фруктовщик.

— Оставайтесь еще, я тем временем приколочу денюжат,— умоляюще добавил хозяин кофейни.

Он задумался. Куда он ни поедет, везде произойдет то же самое.

— Хорошо,— ответил он.— Я не уеду отсюда, но хозьмите все это.— И он протянул бакалейщику его четыре кулька.

— Можно всем сообщить радостную весть?— спросил фруктовщик, прощаясь.

— Да, я не уеду. Но от вас мне ничего не нужно.

— Да будет аллах милостив к вам!

Перевел с турецкого Г. АЛЕКСАНДРОВ.

„Улыбка-68“

вичу?— хватаюсь я за соломинку.

— Почему это не могу? Была бы задача...

— Есть!— радостно воскликнул я, извлекая из кармана ученическую тетрадь.— Ну-ка, позвони!

Отец позвонил и выяснил, что Кирилл Мефодьевич тоже никогда таких задач не решал. Вот так чертовщина! А что же он делал? Главный инженер звонил старшему плановику.

В течение каких-то тридцати минут мы восстановили весь процесс решения задач о трубах.

Старший плановик звонил экономисту...

Экономист звонил референту...

Референт звонил инженеру по технадзору...

Инженер по технадзору звонил сменному мастеру водонапорной башни...

Сменный мастер — мотористу. И это уже был конец.

— То, я вам скажу, голова!— пел дифирамбы мотористу бывший подчиненный отца, сменный мастер Карп Юрье-

вич.— Он у нас лет тридцать уже, как решает задачи о трубах. Золотые руки у нашего ветерана!

— И как же он решает?

— Практически. Выпускает из резервуара воду, а затем у него в одну трубу течет, а из другой вытекает, согласно всем требованиям задачи. А сам стоит и смотрит на свой хронометр, которым мы его премировали, чтобы знать точное время, когда вода поднимется до обусловленного уровня. Что, не верите? Да ей-богу! Вот давайте вашу задачу — сами убедитесь...

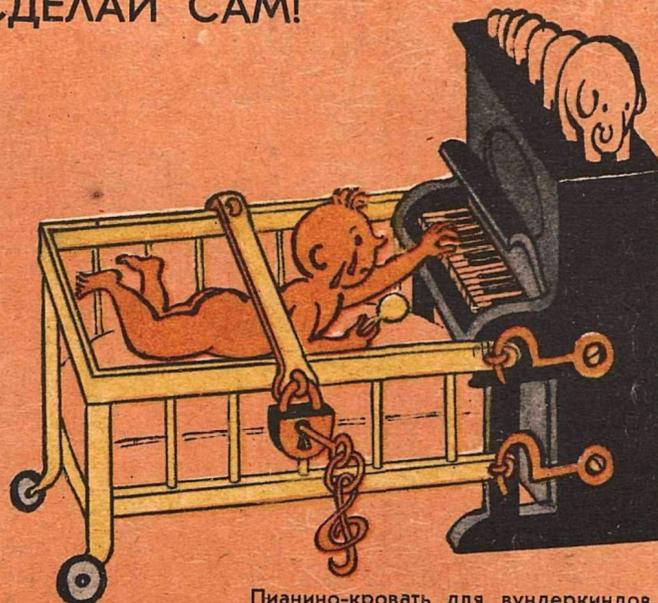
Мы с отцом облегченно вздохнули, удобнее устроились в креслах и закурили. Женщины приличия ради поболтали с нами минут десять и ушли на кухню мыть посуду. Понятно, воды в кране не было: Карп Юрьевич крепко держал свое слово. И правильно! дал обязательство — выполняй!

А я, оболтус, всю жизнь ломал голову, почему это у нас перебои в работе водопровода!

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ

СДЕЛАЙ САМ!

Пианино-кровать для вундеркиндов.

Универсальная трубка.

Автомашина для безгаражного хранения.

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Система вентиляции принята естественная: через щели строительных конструкций и форточки».

(Из проекта.)

Выписал В. ФЕОФИЛАКТОВ.

г. Реутов.

«Характеристика

Тов. Ежов Виктор Игнатьевич работает, как вол. Пьет частенько и в пьяном виде на работе был за месяц 2 раза. Дебоширит — не видела. После работы часто пьян. Как работник нужен, на тяжелые работы.

Прораб Либина».

Прислал В. ГАЛКИН.

пос. Ола,
Магаданской области.

«На клетку опустилась курообразная птица, то есть фазан».

«А уж доярки в долгу не останутся. Ответом будет их большое молоко».

(Из писем в редакцию.)

Выбрала З. КОЦУР.

г. Черкесск.

«После обеда я обнаружил в котельной бутылку с жидкостью. Попробовал на язык — не разобрал. Налил в стакан, выпил — оказалась водка. Что делать? Подумают еще, что я сам принес ее на работу. Чтобы не вызвать несправедливых подозрений, я выпил всю бутылку».

(Из объяснения.)

Переписал А. ШКИРМОНТОВ.

г. Истра.

«Вологодский таксомоторный парк отвечает:

Ваша жалоба, т. СОЛДАТЕНКО, на водителя такси № 19—40 КУКУШКИНА разбирается администрацией, с участием местного комитета.

Тов. КУКУШКИН плакал на разборе Вашей жалобы и доказывал, что он приехал вовремя, т. е. к 5-30 утра, и это подтвердил бригадир бригады № 6 т. ТИХАНОВ А. Д., но несмотря на это т. КУКУШКИН строго предупрежден и будет лишен премиальных за октябрь м-ц 1967 г.

И. О. Начальника Вологодского таксомоторного парка
Н. Попов».

Прислал А. СОЛДАТЕНКО.

г. Вологда.

« Степа пригласил меня домой и мужским языком предъявил счет на два пол-литра «Московской». Поскольку я был знаком с этой единичей меры, то спорить с ним не стал и выложил деньги на бочку».

(Из объяснения.)

Копию снял В. СОЛОВОВ.

г. Челябинск.

«Водитель самосвала грубо нарушил правила уличного движения, он перевозил людей, которые сидели в кузове стоя».

(Из рапорта автоинспектора.)

Выписал А. ЗАПЫЛАЕВ.

г. Москва.

«Очень завидую тому детству, которое воспитывается по сей день».

«По времени года нынешнюю осень никак не назовешь весной».

(Из писем в редакцию газеты.)

Собрала В. ВАЛЕНТИНОВА.

г. Камышлов.

— Чуть жулика не взял на работу: дал мне взятку, а деньги оказались фальшивыми...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

В. МЕДВЕДЕВ

СРЕАГИРОВАЛА...

«Директору мясокомбината товарищу Коровину.

Федор Афанасьевич, мы, работницы сосисочного цеха, обращаем ваше внимание на фаршника Зубина. Квартиру в новом доме он получил обманом — на инвалидную мать. Мать действительно имеется, и у нее в деревне Куликовке крыша протекает, и отапливаться ей нечем. Но она, то есть его однофамильная мать Анна Зубина, и писать ему перестала, оттого что письма к сыну со старого адреса ей возвращаются за выбытием адресата, а новый он от нее скрывает, чтобы его считали без вести пропавшим в мирное время и мать его охлопотали бы как безродную старуху в дом старчества. Она его и не тревожит, отчаялась, помощи от него не будет, только через людей справляется, жив ли, здоров сынок.

Мы постановили просить вас, товарищ директор, чтобы вы очистили предприятие от Зубина, который и прежде получал пособие на лечение матери, а использовал его в сумме ста рублей на мотоцикл. Позорить

рабочее звание подобным типам мы не позволим, к чему и вас призываем».

На письмо работниц Коровин среагировал решительно — сел и написал письмо:

«Дорогая мама!

Обстоятельства сложились так, что многие годы я не писал тебе, не мог тебя навестить. Не буду излагать превратности моей карьеры. Но сейчас моя жизнь выправилась. Посылаю тебе на неотложные расходы 50 рублей. Впредь ты будешь получать от меня по 30 рублей ежемесячно. Постараюсь приехать навестить тебя, может, домишко надо отремонтировать. Машина у меня своя, выбраться можно. Напиши мне о твоих нуждах.

Твой сын

г. Свердловск.

Федор Коровин».

ХОББИ

Один собирает почтовые марки,
 Другой собирает свечные огарки,
 Блаженство для третьего — кактусов иглы,
 Четвертый спешит на спортивные игры,
 А пятый — любитель подледного лова.
 У них это — хобби.
 Имеет примерно Английское слово
 Присущее вам такое значение:
 (или мне) увлечение.

Иные считают, что хобби в действительности
 Собой представляет уход от действительности,
 Но я упрекнуть не посмел бы так строго
 Людей, пожелавших развлечься немного.

По-детски невинны у них увлеченья,
 Хотя наблюдаем порой исключенья...
 Один гражданин и в Орле, и в Калуге,
 И в Брянске имел по законной супруге.
 К мужской присмотрелись поближе
 особе, И сел гражданин за подобное «хобби»...

Перо так и бегает слева направо,
 Корпит за столом человек неустанно.
 Быть может, вторая возникнет «Полтава»?
 А может, вторая «Каренина Анна»?

О нет! Это автор наветов и кляуз.
 Он каждую ночь пулеметно,
 без пауз, Строчит,
 со злорадным урчаньем в утробе...
 Публично пороть за подобное «хобби»!..

А тот собирает стеклянные банки.
 Вот банка с десятками царской чеканки.
 В другой же, под домом закопанной банке,
 Лежат почему-то швейцарские франки.
 Был обыск. При обыске найдены обе.
 Не надо, не надо ссылаться на хобби...
 Глушит гражданин за бутылкой бутылку,
 Прохожему дать норовя по затылку.
 Он вечною жаждой томится, как в Гоби...
 Нет, мы не одобрим подобное «хобби»!..

Как видим, не каждое хобби уместно.
 А марки? Прекрасно! Рыбалка? Прелестно!
 Забавны коллекции пряников, трубок.
 Весьма увлекательны игры на кубок...
 За что же я ратую всем вышесказанным?
 За хобби, подобные мною указанным.

ЧУДЕСА

Едва в ресторане успел я присесть,
 Меню подают мне с улыбкой:
 — Цыплятки у нас превосходные есть,
 Попотчевать можем и рыбкой.
 Телячьих котлет, к сожалению, нет,
 Вы нас извините за это,
 Но, может быть, вместо телячьих котлет
 Устроит баранья котлета?..
 Мелькают салфетки, тарелки парят,
 Все быстро, как в сказке, накрыто,
 И мне в довершение всего говорят:
 — Приятного вам аппетита!..

Чуть позже случается чудо опять.
 Несу в мастерскую ботинки
 И слезно молю, чтобы дней через пять
 Вернули мне их из починки.

Владимир ЛИФШИЦ

Владимир Лифшиц — поэт, прозаик и драматург. Он автор более сорока книг стихов и прозы для взрослых и для детей.

Участник Великой Отечественной войны, он был ранен в боях под Ленинградом. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Наряду с лирикой поэт пишет и сатирические стихи. В «Библиотеке Крокодила» вышел его сборник «Исповедь манекена».

Приемщица странно глядит на меня
 И молвит раздельно и внятно:
 — Сегодня, к исходу рабочего дня,
 Вы можете взять их обратно...

Потом в промтоварный вхожу магазин,
 Желая купить безрукавку.
 Среди жарких боков и распаренных
 спин

С трудом пробиваюсь к прилавку.
 А там обаятельных два продавца
 (Доселе дивлюсь их поступку)
 Встречают меня, как родного отца:
 — Спасибо за вашу покупку!..

С пакетом сажусь в голубое такси.
 В себя прихожу понемногу.
 — Мне в Лихов. По Горького.
 — Боже спаси!
 Я знаю короче дорогу...

Хоть много я видел чудес на веку,
 Все это меня поразило.

.....
 Был, помню, в тот день у меня
 к пиджаку
 Привинчен значок «Крокодила».

ШОК

Отведя врача в сторонку,
 Горько жалуется мама:
 — Третий год идет ребенку,
 А дитя молчит упрямо!
 — В данном случае неплохо
 Применить лечение шоком...
 У окна в коляске кроха
 Спит с игрушкой под боком.
 Кроху ждет игрушка-чудо,
 Ибо в мягкой той игрушке
 Что-то есть и от верблюда,
 Что-то есть и от кукушки.
 Пучеглаза, как лягушка,
 Злобно смотрит взглядом хмурым,
 И покрашена игрушка
 Чем-то... в общем, чем-то бурым.
 С этой новенькой игрушкой
 Мирно спит дитя в коляске.
 Вот проснулось,
 Повернулось,
 Кулачком
 Протерло глазки,
 Изумленно поморгало
 И, родителям на радость,
 Вдруг отчетливо сказала:
 — Уберите эту гадость!..

ЕЩЕ О ВЕЖЛИВОСТИ

Слова «Прошу вас», «Будьте так
 любезны»
 В общении с Гадюкой бесполезны.

ПОСЛЕ МАТЧА

Стихотворный комментарий
 к комментарию спортивному.

Матч проигран
 С довольно внушительным счетом.
 Огорченья скрывать мы не будем,
 чего там...

Стиснув зубы,
 Как то подобает мужчинам,
 От печального факта
 Обратимся к причинам.

Комментатор,
 Чтоб снять остроту нашей боли,
 Объясняет, что было «тяжелое поле».
 (Но открытие сделает
 И не Коперник,
 Что на этом же поле
 Играл и соперник!..)

Комментатор
 (Не знаю, кому там в угоду)
 Говорит нам про снег и плохую погоду.
 (Да, плохая погода и снег —
 Это было,
 Но сопернику тоже не солнце светило!..)

Комментатор
 Ссылается также на ветер.
 «Ветер дул нам в лицо», —
 Комментатор заметил.
 (Но игра
 Во вторую вошла половину,
 Поменялись воротами —
 Ветер дул уже в спину!..)

Комментатор сказал —
 Вот теперь и кумекай! —
 Что Микешин был скован
 Персональной опекой.
 (Но Микешин —
 Ребята у нас не калеки! —
 Персонально бы мог
 И уйти от опеки!..)

Почему же проигран был матч?
 Почему же?..
 Просто наши играли
 Значительно хуже!

ЕЛКИ-МОТАЛКИ

«Гордость наших лесов — лось-великан поедает гордость наших лесов — красавицу березу».
Цитата из газеты.

Жизнь увенчана множеством медалей, каждая из которых имеет свою оборотную сторону. Даже такое благородное начинание, как бдительная охрана лесов, имеет свои отрицательные последствия: животные слишком активно поедают лиственный молодняк.

Эту шкодность лесных великанов сначала просто игнорировали. Потом сохатых стали осуждать на совещаниях. Критика не помогла. Тогда заговорили ружья. Вполголоса заговорили, по куцым лицензиям.

Лосей поубавилось, но лес по-прежнему страдал. Казалось, сохатые бросили дерзкий вызов человеку. Каждое третье дерево в подмосковных лесопарках — в Бухте радости, Березовой роще, на Солнечной поляне — носило на себе безжалостные следы зубов, рогов и копыт.

— Стрелять их, — кратко отзывались охотники. — Жаканом его, вредителя!

На очередную либерализацию лицензионного дела лоси ответили утроенной поедаемостью лесонасаждений. И кто знает, до чего бы все это докатилось, если бы какой-то лось-хулиган не выгрыз на коре старинного дуба исполненные щемящей грусти слова: «Я ждал тебя, Маня!».

— Слушайте, — засомневались лесоводы, — а может, это выгрыз совсем не лось?

— А кто же?

— Ну, какой-нибудь более высокоорганизованный индивидуум. Например, учащийся старших классов.

— Учащийся дуба не угрызет. Кроме того, у них природоведение проходят: срубил дерево — посади два. Нет, в школьников я верю крепко.

— Ну, тогда студент. Какой-нибудь суровый юноша с техническим уклоном.

— Гм, с техническим... Но это надо еще установить экспериментально.

Провели экспериментальный рейд. И на первом же километре изловили юношу физкультурной наружности, с блуждающим взглядом и топором за поясом. На развитых плечах его покоились две прекрасные свежесрубленные ели.

— Ай-яй-яй! — сказали изловленному юноше Конкину. — Не тому тебя, Вася, в школе учат.

— Какой я Вася! — надменно ответил физкультурник. — Я Василий Васильевич, студент химико-технологического института.

— Зачем же вы, Василий Васильевич, елки украли?

— Украли?! Это со склада крадут. А я просто срубил. Не ожидая милости от природы.

— Грамотные вы, Василий Васильевич.

— Да уж не юный мичуринец. С гербариями не мараюсь.

Ох, напрасно студент Конкин хаял молодое поколение! Юннат нынче тоже пошел с запросами. Цветики-пестики, личинки-тычинки — все это уже в прошлом. Не успели просохнуть чернила на протоколе, увековечившем деяния студента, как взору участников рейда открылась картина широкой лесоразработки. Несколькими десятками маленьких человечков, деловито ухая и поплеывая на ладони, мастерски вели лесоповал. Работами руководили две строгие дамы. В дремотной лесной тишине гулко разносились их педагогически поставленные голоса:

— Ты чего расселся, Вова? Пионер должен быть трудолюбивым.

— Я устал, Галина Никитична, — хныкал ленивый Вова. — Мне елка попалась твердая-претвердая.

— Тогда сруби ольху. Или березу. Но не сиди без дела. Воспитывай в себе силу воли, Вова. Достоинно носи эстафету своих отцов и старших братьев.

— Мой папа шофер, он не рубит ольху.

— Не умничай, Вова! Маленький еще, чтобы умничать.

Ах, как радовался несовершеннолетний Вова неожиданному появлению лесосруба! Но зато учительница Г. Н. Кузнецова кипела от негодования:

— Вы подрубаете под корень педагогический процесс!

— А вы — двадцать семь деревьев! Посмотрите, что вы уничтожили! Ведь этой березе тридцать лет!

— Не тридцать, а тридцать два. Между прочим, мы для того и спилили ее, чтобы посчитать годовые кольца.

— Но ведь это — варварство!

— Не варварство, — назидательно ответила учительница, — а закрепление пройденного материала.

Результаты рейда начисто реабилитировали лесных великанов. При всем желании нельзя было зачислить в лосиное семейство рабочего завода имени Лихачева Юрия Иванова, срубившего в Марфинском лесопарке березу и вековой дуб. Студентка Людмила Ножкина, рабочий из Щелково Алексей Манистов, каретница третьего троллейбусного парка Зоя Потапова тоже измывались над «зеленым другом» совершенно недоступными для сохатых орудиями и методами.

— Так дальше продолжаться не может! — вполне резонно решили в Московском управлении лесопаркового хозяйства. — В местах массового отдыха почти не осталось неповрежденных деревьев. Взовем к бдительной милиции!

Милиция охотно откликнулась на зов. Сотрудник 123-го отделения милиции В. П. Козырев непробиваемой стеной стал на пути лесонарушителей. В морозные предновогодние вечера он лично проверял груз у пассажиров электричек. И горе было тем, кто пытался провезти кудрявые елки. В. П. Козырев извлекал их из тамбуров, вытаскивал из-под сидений, неумолимо составлял протоколы и безжалостно конфисковывал незаконно порубленное.

После чего конфискованное тут же перепродавал желающим. По среднерыночным ценам.

И какой же заразной оказалась эта предпринимательская инициатива! Уж до чего, казалось, далеки от мероприятий по охране общественного порядка сварщик завода «Красный Октябрь» Б. П. Болдин и токарь Красногорского механического завода А. С. Ершов! Но и они не остались в стороне от охраны лесных угодий. По собственной инициативе, никем сверху не побуждаемые, надели они красные повязки дружинников и стали активно изымать у проезжих срубленные елки. Каждое конфискованное растение дало приятелям натуральный доход по 2 рубля 87 копеек.

Сейчас елок не везут, потому что весна. Но в субботне-воскресные вечера городские автобусы насыщаются концентрированным ароматом черемухи. Это алчные любители природы волокут то, что взяли у леса на память. И даже не взяли, а отобрали, ограбили.

А лес шумит. Поэтично, но все же нечленораздельно. И лишь самые чуткие фенологи угадывают в шорохе его листьев грустную истину:

— Я-то друг тебе, человек. А ты мне?

В. НАДЕИН

КОРИФЕЙ ИЗ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

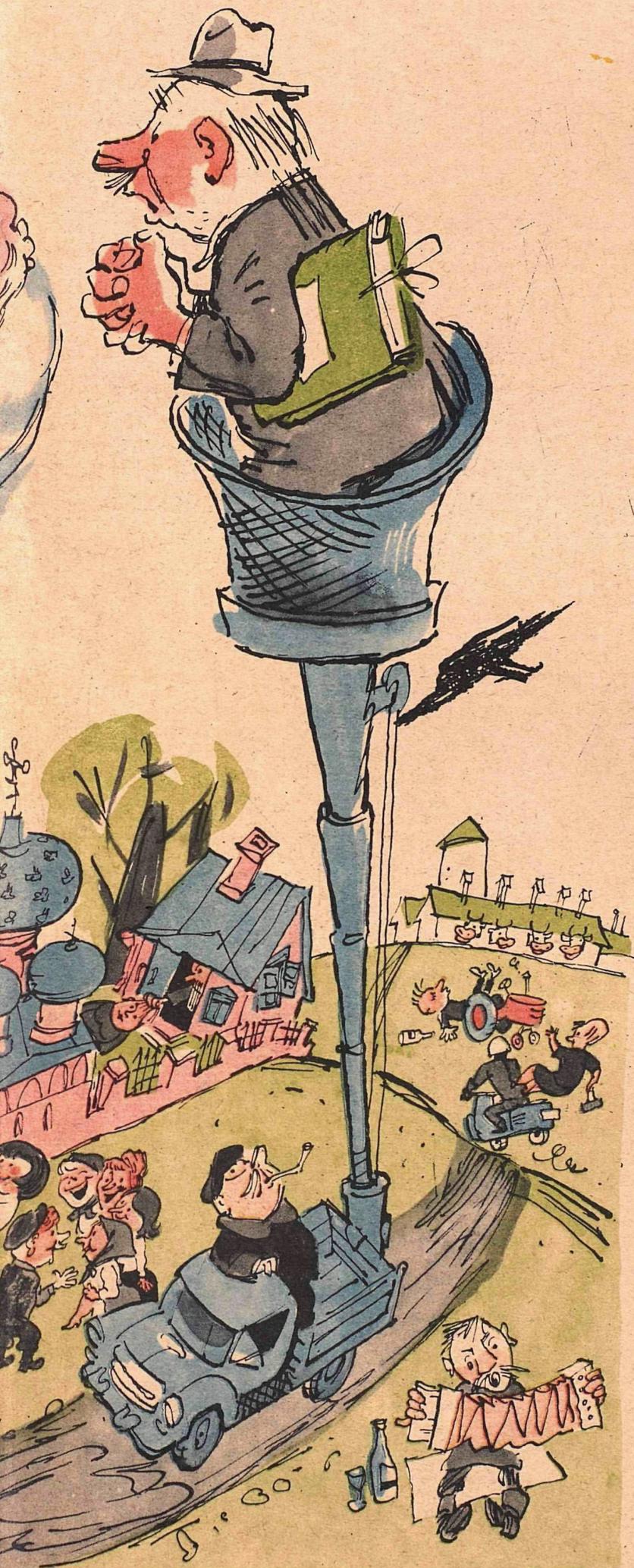

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА И М. СКОБЕЛЕВА

Справа от меня восседал один ученый, слева — другой. Правый сказал левому: — Да убей ты, Юрий Александрович, одного сайгака. Пусть товарищ корреспондент попробует. Три дня поплывется — и делу конец.

— А профессор Слудский говорил, что сайгачина — деликатес, что ею интересуются даже парижские рестораторы, — неуверенно возразил я.

— Пустяки! — сказал Юрий Александрович. — Профессор ест все: сайгу, суслика и даже ондатру.

«Странно! — подумал я. — Юрий Александрович — ученый молодой. Правда, диссертацию он защитил, но она еще не утверждена, и поэтому он еще не корифей, а всего лишь кандидат в кандидаты. Как же он может осуждать своего научного руководителя?»

Но тут же выяснилось, что я ошибался. Ученик, наоборот, хотел подчеркнуть эрудицию учителя.

— Зоология, как известно, наука, — продолжил он, — а Аркадий Александрович — настоящий зоолог.

После этого я уже не сомневался, что слухи о каких-то ненаучных взаимоотношениях между учителем и учеником в корне неосновательны. А если будущий кандидат и приносил в дар своему наставнику сайгачьи туши, то исключительно в интересах науки.

Однако нашлись люди, которые утверждали, что наукой в кандидатской работе диссертанта и не пахнет, зато от нее за версту разит жареной сайгачиной. И что, мол, Ю. А. Смирнов, заместитель начальника Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров Казахской ССР, просто-напросто использовал свое служебное положение. Собираясь, мол, заняться научной работой, он не только приносил в дар нужным людям сайгачью свежатию, но и милостиво поощрял ученых браконьеров.

Это мнение материализовалось в двух фельетонах: Н. Швецова «Охота пуще неволи» — в «Казахстанской правде» и А. Омелина «Ход сайгаком» — на страницах «Крокодила».

Едкое печатное слово ставило под сомнение научную ценность капитального труда соискателя «Влияние охоты на охотничье-промысловую фауну Казахстана» и бросало длинную вечернюю тень на решение ученого совета Алма-Атинского зооветеринарного института, присудившего диссертанту искомую степень.

В редакцию полетели гневные опровержения.

«Редакция журнала «Крокодил», — уведомили маститые академики, — повторила опротестованное организациями и учеными содержание фельетона «Охота пуще неволи».

«...Факты, изложенные в фельетоне Омелина «Ход сайгаком», как и факты в фельетоне Швецова «Охота пуще неволи», — присоединяли свой голос к хору ученых знатные охотники из «Казохотсоюза», — построены на подтасовке и незаслуженно ошельмовали десятки человек ученых...»

Опровергатели требовали сатисфакции.

...Я по-прежнему находился посередине. Справа от меня восседал один ученый, слева — другой. На столе лежал пухлый научный труд. Правый сказал левому:

— Да убей ты, Юрий Александрович, одного сайгака, и...

— Нет! — сказал Ю. А. Смирнов. — Пусть товарищ сначала разберется.

Я взял пухлый научный труд и, выйдя из института, приютился в тенистом уголке сквера.

Первые страницы живо напомнили мне школьные годы, затрепанный учебник зоологии для четвертого класса, учительницу Анну Ивановну. Но дальше я вспомнил уже не школьный учебник, а работы Кашкарова, опубликованные еще в 1923 году. И сравнил...

Д. КАШКАРОВ:

«Это время считалось для охоты на сайгаков самым лучшим, самым добычливым... Примечают, куда ходит стадо сайгаков на водопой».

«...В версте от водопоя устраивают загон из толстых и острых камышин, возле изгороди роют канавы, в которые залегают охотники...»

Кроме того, ученику удалось блестяще подтвердить один из ранних постулатов его учителя А. Слудского:

УЧИТЕЛЬ:

«В позднейшее время пушнина начала играть роль денег; на нее выменивали продукты, ею выплачивали жалованье должностным лицам и награды...»

Дочитав труд, я поспешил к Юрию Александровичу, чтобы позать его мужественную руку, которая, не дрогнув, дописала до конца это научное исследование.

— Нет, — сказал он, пряча руки за спину, — рано. Вы еще не ознакомились с отзывами ученых из разных городов.

Отзывов оказалось около тридцати. Каждый занимал 2—3 странички похвал.

Триумф омрачали лишь профессор Новиков из Ленинграда и доцент Ишунин из Ташкента. По мнению Новикова, филолог Ю. А. Смирнов хотя и претендует на степень кандидата биологических наук, но имеет крайне слабую специальную подготовку. Общенаучный и культурный уровень его невысок, и вообще как ученый он себя ничем не проявил.

Что же касается Ишунина, то он прямо указывает, что будущий кандидат наук не только не владеет терминологией, принятой в биологической науке, но даже не знает, что означает термин «фауна».

К счастью, на решение ученого совета это несколько не повлияло.

— Успокойтесь! — сказал я скептикам. — Ученый совет — это ученый совет.

И в подкрепление привел слова одного видного богослова, который, убеждая Яна Гуса подчиниться решению Констанцского собора, заявил:

«Если собор скажет мне, что у меня только один глаз, я признаю, что это так, хотя знаю, что их у меня два».

— Значит, если ученый совет, — толковал я скептикам, — решил, что Юрий Александрович — корифей, мы обязаны это признать. Хотя знаем, что это не так и Юрий Александрович никакой не ученый и даже не кандидат.

А что я мог еще сказать?

Ю. СМИРНОВ:

«Это время считалось самым лучшим для охоты и самым добычливым... Забывали, куда ходит стадо сайгаков на водопой...»

«...Затем в версте от водопоя устраивали изгородь из толстых и острых камышин. Возле изгороди рыли канавы, в которые залегают охотники...»

УЧЕНИК:

«В позднейшее время пушнина начала играть роль денег; на нее выменивали продукты, ею выплачивали жалованье должностным лицам, награды...»

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

Письмо любимой

Я полюбил.
Воображенье
рисует милые черты...
«Я помню чудное мгновение;
Передо мной явилась ты...»

Тебя воспел Некрасов.
Тютчев
тебе сплетал венки из строк.
Не о тебе ли, самой лучшей,
мечтал в стихах влюбленный Блок?..

Я сел писать письмо любимой,
волнение уняв едва.
Окутанный табачным дымом,
ищу достойные слова.
Увы, на языке их нету,
а в мыслях —
проза, злоба дня...
Пусть композиторы, поэты
вдохнут романтику в меня!

Включил транзистор.
Из эфира
совсем не то услышал я:
не «будешь ты царицей мира,
подруга первая моя»,
а «я гляжу ей вслед:
ничего в ней нет...»

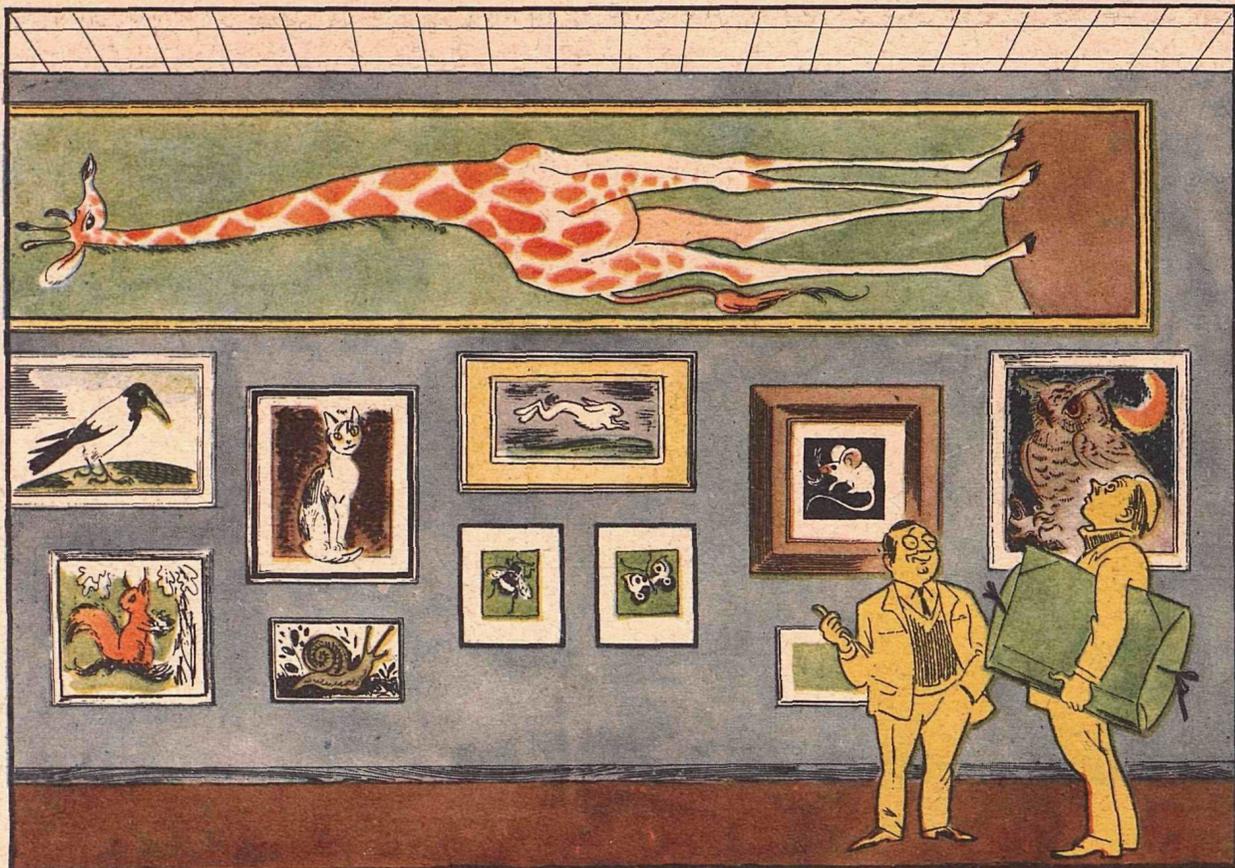
М-да, непредвиденный удар!
Я тут же изменил настройку,
но, очевидно, не настолько,
чтоб изменить репертуар.
«Пришли девчонки,
стоят в сторонке,
платочки в руках теребят...»
О боже, это про тебя,
про легкий стан и профиль тонкий!
Что ж, пусть ты внешностью

не вышла,
твой интеллект всех прочих выше!
О чем ты грезишь, сном объята,
с открытой книгой в руке?
«Девчонке снится парень из физмата
и вальс-бостон на клубном пяточке...»

Вращая ручку так и смяк,
уже дрожу от раздраженья...
И «С добрым утром», и «Маяк»,
и «Юность» —
все такого мненья,
что ты курноса и пуста,
простоволоса и проста
в ряду подружек неуклюжих,
что профиль твой —
очаг веснушек,
и в этом...

в этом красота!
О, был бы Пушкин под руками!
Блок, Маяковский...
Не судьба!
Я сник.
Вода долбит и камень.
А что душа? Душа слаба!

И я, с трудом смилив гордыню,
своей любимой написал
не оду и не мадригал,
а так, как в песнях пишут ныне:
«Моя простая, никакая,
открой: кто ты в моей судьбе?
Сказать по правде,
сам не знаю,
что мне понравилось в тебе.
Быть может,
кругозора узость,
твою обыденность люблю,
твою патлатость, и кургузость,
и незыскательность твою,
и то, что меж тобой и мною
(от горькой правды не уйти!)
соотношение такое,
как в песне — десять к девяти.
Душа иного и не ищет.
Люблю такой, какая есть,
такой, каких в районе тыщи.
Кончаю.
Страшно перечесть!..»

НА ВЫСТАВКЕ АНИМАЛИСТОВ
— А ваша картина иначе никак не умещалась!

Рисунок М. БИТНОГО

Вадим НАЗАРЕНКО

ТЯП-МОДЕРНЯП

В магазине под названием «Художественный салон» тихо и немногочисленно. Покупатели не расхвывают настоящие глиняные минареты по рубль-сорок копеек. Не стоят в очереди за глиняными подсвечниками в виде бочонка, на одну свечу, от восьми рублей до двенадцати. Не глядят, затаив дыхание, на траурно-черный глиняный графин с шестью траурно-черными глиняными стопками ценой всего-навсего тридцать четыре рубля восемьдесят копеек.

Много тут таких и тому подобных предметов прикладного, раскладного, подвесного, настольного и накомодного искусства. Среди них теряются произведения подлинных народных умельцев.

Все тут располагает к размышлениям, влечет к таинственным проблемам: что такое искусство вообще и прикладное искусство в частности; что такое художественный вкус; что такое художественный совет и так далее.

Вот голубая настольная русалка. Всего за двадцать рублей. Она стоит на хвосте, как кобра. Вертикально, как штык. Гладкая и сплюснутая, как сарделька, на которую нечаянно сели. Единственное украшение ее обтекаемого, как водосточная труба, корпуса — выпуклый бюст, игриво выявленный ее создателем.

И кажется, будто это глино-колбасное изделие нашептывает грустную-грустную сказку...

...Жил-был дядя Тяп. Так его все звали на базаре. Торговал он с лотка своим прикладным искусством. В виде гипсовых кошечек разноцветных и дамочек нагих, густо позолоченных, а также ковриков клеенчатых с изображением лебедей или же русалки, всплывающей из ярко-зеленой пучины.

Жил-поживал и не знал, какая подстерегает его напасть. Начали вдруг фельетонисты писать в печати об этом его прикладном искусстве, насмехаясь и доказывая, что нет в нем никакого хорошего эстетического вкуса.

Дошло это до дяди Тяпа, неудобно ему стало перед покупателями. И в ближайшее же воскресенье поехал он к доктору, который лечил его от алкоголизма посредством внушения.

Так, говорит, и так, вот оно как, так что очень прошу: внушите мне, пожалуйста, хороший эстетический вкус.

Доктор сперва удивился, потом сказал, что лично у него эстетический вкус очень хороший и что в свободное от лечения алкоголиков время он даже

пишет статейки о том, каков современный стиль, и что, исключительно в интересах науки, он попробует.

Начались сеансы. Тело дяди Тяпа посредством гипноза усыплялось, а дух на это время из тела извлекался, на столе раскладывался и подвергался внешнему эстетическим сведениям.

От сеанса к сеансу дух дяди Тяпа обогащался. Открылось ему, что в современное время имеются разные модернистские направления. Кубизм. Абстрактный кубизм. Сыррылизм. И тому подобное.

Стали ему ведомы и фамилии крупных модернистских представителей. Матизо. Сильвадор Вдали. И так далее.

Быстро принялся дух дяди Тяпа прогресс догонять.

Стало ему ясно, почему его, допустим, гипсовая кошечка эстетически была отсталая. Потому что старался он сделать уши по обеим сторонам головы, а хвост сзади. Если же хвост спереди, а насчет ушей или каких-то там лап вообще не беспокоиться, то получится кошка эстетически передовая.

Прежнее консервативное прозвище теперь уже годилось. Стал дядя Тяп теперь Эдуард Модернап.

На последнем сеансе выучил дух бывшего дяди Тяпа заклинания на случай, если кто уверять станет, будто хвост у кошки спереди не бывает: «Я так вижу», «Мое самовыражение», «Мой особый мир» и некоторые другие слова.

Затем взялся доктор дух обратно в тело вдвигать. Однако не лезет. В пазах заедает. Глянул — многие слова поперек стали, из духа наружу торчат, особенно такие длинные, как авангардизм и нонконформизм.

А между тем бывшее тело бывшего дяди Тяпа тихо скончалось. От цирроза печени. Поскольку за период сеансов внушения хорошего эстетического вкуса лечение алкоголизма оказалось запущено.

Дух же, без места оставшись, стал по улицам и художественным мастерским шастать, изыскивая тело, в которое бы вселиться.

Так, чтобы целиком и полностью, конечно, не удаётся. Каждое тело уже заполнено соответствующим духом. Но частично и на известное время приют порою находится. И тогда рождается нечто с формами обтекаемыми, как сардельки, и формами, напротив, как обглоданная рыба кость; с ягодицами, превосходящими всякое воображение, и вовсе без каких; с глазом несколько набекрень и вовсе без глаз; словом, характерная помесь стиля дяди Тяпа и стиля Эдуарда Модернапа.

И поскольку эти диковины в массовое производство никак не пустишь, ничего не остается, как продавать их в качестве уникальных и неповторимых творений в магазине под названием «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН».

Честный Джон

или парламентарий по-американски

Тяжелая жизнь наступила у американских конгрессменов. На носу выборы. Снова надо доказывать свое право на место в Капитолии.

Но, ради бога, не подумайте, что доказывать надо делами, например, выполнять предвыборные обещания. Нет, задача куда проще: доказать свою пригодность к роли законодателя долларами. Десятками и сотнями тысяч долларов на проведение предвыборной агитации.

Казалось бы на первый взгляд, что перед кандидатом встают мучительные финансовые проблемы. Выступил с коротенькой речью по радио или телевидению — раскошелиться на несколько тысяченок, просунул в газету публикацию о том, какой ты верный слуга народа, — опять вынимаешь бумажник. А в какую копеечку обходятся митинги с оркестрами и полуобнаженными девицами, визжащими от восторга при твоём появлении на помосте! Увы, этот визг заранее щедро оплачен. А предвыборные брошюры, платные помощники и т. д. и т. п. К тому же цены в Америке непрерывно растут, в том числе и на визжащих девиц.

Однако дело в том, что американские политики научились расплачиваться за высокую честь быть избранными в конгресс чужими деньгами. Ведь у каждого из них есть куча добрых друзей с толстым кошельком, всегда готовых собраться на обед-встречу со своим дорогим и любимым кандидатом и заплатить за скромное угощение по сотне-другой, а то и по тысяче долларов с носа. А уж он-то, перешагнув вождельный порог конгресса, сумеет отплатить добром за добро.

Помнится, в дни избирательной кампании 1964 года было устроено около трехсот таких политико-гастрономических встреч, а чистая прибыль от них составила десятки миллионов долларов. Недавно один достопочтенный законодатель вспомнил с высокой трибуны, как небольшой обед на сто персон дал ему для мелких предвыборных расходов 78 тысяч долларов.

Но все эти цифры относятся к прошлому. А нынче доходы от совместных кормежек конгрессменов с бизнесменами резко возросли. Только три обеда с участием президента Джонсона наполнили предвыборный фонд демократической партии тремя миллионами зелененьких бумажек. Круглый миллиончик за не бог весть какой обед — вот это размах!

Один бизнесмен средней руки, впервые попавший на «политический» обед, рассказывал потом, какое странное чувство овладело им во время торжественной трапезы. Подносит он ложку супа ко рту, и чудится ему, что в горле зажурчала струйка расплавленного золота. Втыкает вилку с ножом в бифштекс — будто режет пачку новеньких банкнот. Приступает в десерт — и фруктовый пломбир вдруг приобретает благородный платиновый оттенок...

Подозрительный читатель спросит: на какие же такие ответные услуги со стороны будущего законодателя рассчитывает бизнесмен-кормилец?

Право, это такие пустяки, что они не заслуживают ни малейшего внимания общественности. Ее (эту самую общественность) стараются и не посвящать в подобные незначительные детали. Но иногда в процессе предвыборной борьбы кое-какие факты нехотая вытекают наружу.

Недавно сенатор-демократ от штата Огайо Стивен Янг поведал прелюбопытную историю из жизни своего республиканского конкурента Джона Брикера. В свое время конгресс США должен был утвердить проект строительства водного пути по реке Святого Лаврентия. Этот проект был чрезвычайно выгоден для штата Огайо: промышленная и сельскохозяйственная продукция удаленного от побережья Атлантики района получала дешевый выход к океану. Однако представитель штата Огайо сенатор Брикер, по прозвищу Честный Джон, голосовал против.

Объяснялось это проще простого. До того, как стать сенатором, Брикер создал собственную юридическую контору, взявшую на себя защиту интересов крупнейших железнодорожных корпораций Америки. Президенты этих корпораций делали все возможное и невозможное, чтобы сор-

вать строительство водного пути — опаснейшего конкурента железных дорог. А что оставалось делать главе юридической конторы, обязавшейся верой и правдой служить рельсовому, а не водному транспорту?

Сенатор Янг считает этот случай классическим примером конфликта личных и общественных интересов. Мы с ним никак не можем согласиться. Честный Джон честно проголосовал за интересы своих хозяев. Отработал обеденные денежки. Да простит ему бог, если его поступок противоречил интересам населения родного штата Огайо! В конце концов не оно же решает, быть или не быть Джону Брикеру в сенате!

Пусть не подумает читатель, что разоблачение проделок Честного Джона — явление, из ряда вон выходящее в американском конгрессе. Не так уж редко телеграф приносит с берегов Потомака весть об очередном сенсационном разоблачении. Кое-кто пытается укорять несчастную жертву скандала в нечестности, воровстве и прочих грехах. Потом шум затихает, и невинно оскорбленный парламентарий скромно продолжает свою общественно полезную деятельность, ни на миг не упуская из памяти крупные купюры, подложенные в свое время под тарелки участниками его предвыборной трапезы.

В. КАЧАНОВ

Прочищают...

Рисунок Бор. ЛЕО

НАДО ЛИ ТОРЖЕСТВОВАТЬ?

Обыденное перестает удивлять. И очень жаль. Ибо наряду с оглушительными происшествиями (волк-овчарник забежал на свадьбу в Малых Сычах и был затоптан в процессе танца «гуленька») в мире происходят заурядные, поразительные именно своей обыденностью вещи.

Престарелый человек получил квартиру. В старом доме. А выражаясь жэковским языком, «за выездом».

Человеку пошел поток поздравлений с неизбежными в таком случае пожеланиями счастья и здоровья, в коем он особенно нуждался, а следом пришла энергичная депеша телефонного узла: «Телефон отрезаем!..»

Весть о грядущей ампутации пальца человек принял бы менее болезненно. Ведь он, человек, едва двигался, был не в силах вызвать без телефона врача и при таком состоянии мог потерять не только палец, но и все к нему примыкающее.

Человек, естественно, направил в узел родственника-ходока, а сам попросил убрать с глаз долой ножи-ножницы и начал налегать на валидол.

— Оставьте ваши волнения,— успокаивали родственники и знакомые.— Дались вам ножницы! Этого не может быть.

— Все может быть, все,— отвечал больной, из чего легко было заключить, что, утратив способность передвигаться, он не утратил способности соображать.

Тем временем в назначенный день и час потный ходок сунулся к окошечку телефонного узла, а оттуда, как мушкет, выскочила короткая рука с письмом-резолуцией: «Отказать».

— Вы меня убили! — вскрикнул ходок.
— Убивать посетителей нам не положено,— высказался на это мушкет,— мы люди маленькие.
— Но поймите, человек месяц как перенес инсульт, он парализован...
— Идите к начальству.

И ходок — такое уж ему назначение на земле — пошел. Начальник телефонного цеха, зам. начальника узла, начальник районного узла, приемная городского узла — это только изначальные этапы его кремнистого пути.

— Паралич, оно, конечно, убедительно,— сообщил очередной мушкет.— Но ведь он не полный, а частичный...

— Полному и телефон ни к чему,— заметил ходок резонно.

— Ну, не знаю. Не знаю и не решаю,— сказал мушкет, хотя вполне мог распорядиться, чтобы телефон не отрезали.

— Инсульт хорошо, и паралич хорошо,— сказал мушкет повыше, разглядывая справку на свет. И добавил мечтательно:— Но вот быть бы ему еще инвалидом первой группы!

— Смотрите, будет! — пригрозил ходок.

— Тогда и приходите,— последовала реплика. Ровно месяц карабкался ходок в гору, обтесал башмаки, стучал в двери, шитые дерматином, дубом и даже кожей безымянного животного. Все выше, и выше, и выше.

Не будем скрывать, подобный альпинизм не есть что-то из ряда вон выходящее. Это не волк на свадьбе. Это в порядке вещей. Не будем пока говорить, чем такой порядок вызван, но со стороны кажется, что он имеет целью воспитать замечательную плеяду стойков из тех, знаете, которые коня на скаку остановят, в горящую избу войдут. И войдут! Не сомневайтесь. Ибо проникнуть в горящую избу проще, чем к иному мушкету, а остановить резолюцию «отказать» сложнее, чем квадригу Хреновского конезавода.

На втором месяце, подвязав подметку шнурком, натренированный ходок поднялся на головокружительную высоту. Его выслушали и поблагоуловили.

— Да что они, круглые? — выразилось багровое лицо, но, вспомнив, что «круглых» у нас не бывает, закончило так: — Мы товарищей поправим...

Тут самое время перейти к ликованиям. Из глубины души к горлу подступает горячительный пар, а в ушах слышится комариное пение фанфар. Справедливость восторжествовала! Аплодисменты. Виват!

Но давайте без «виват». И без аплодисментов.

Лучше зададимся вопросом: почему, собственно, справедливость должна торжествовать в результате героических усилий вместо того, чтобы мирно осуществляться? Без фанфар, обыденно, повседневно, в рядовых инстанциях?

Разве мушкет не знает, что без телефона парализованному каюк? Знает! Знает и более возвышенно: «Старикам везде у нас почет». Но пока непосредственный начальник не подтвердит это положение резолюцией, мушкет и пальцем не пошевелит.

Между тем мушкетеры посажены на служебные стулья вовсе не для того, чтобы украшать сте-

ны родного учреждения белыми воротничками или играть в обеденный перерыв в шахматы. Они должны решать вопросы, которые принято называть насущными. Но решать-то они как раз и не хотят. Кто не решает, тот не ошибается. А за ошибки бьют. Бьют по рукам, столь прекрасном передвигающим ферзя в обеденный перерыв.

Мушкет кладет для пушшего спокойствия одну резолюцию: «Не надо». Этим и ограничивается сфера его служебной деятельности на благо просителей. А там пусть наверху разбираются. Им сверху виднее. Пусть нас поправят. Пусть даже назовут в сердцах «круглыми». Это не страшно. А, с другой стороны, «поправление» дает начальству возможность продемонстрировать свой ясный государственный ум. И ему, начальству, будет приятно...

Между тем «ходоки» добиваются не филантропических подаяний, а требуют того, что установлено законом. И поэтому справедливость должна осуществляться буднично, ежедневно, систематически. И ничего, что будет меньше торжеств. У нас для них и так достаточно поводов.

— Вот достал для вас на время ремонта...

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

♦ ТРАКТАТ ♦

Когда-то научные трактаты писались на классической латыни. Надеюсь, что читатели с меня не взыщут, если я буду пользоваться русским языком, но зато приведу кучу цитат и поговорок, не имеющих, правда, никакого отношения к сути дела. Но так уж принято в солидных научных трудах.

Герцог Юлиус Брауншвейгский, вероятно, не подозревал, что станет родоначальником шлакоперерабатывающей промышленности, когда в 1570 году начал отливать в Гиттельде пушечные ядра из доменных шлаков. Его довела до этого бедность: кончился чугун.

— Статистика — самая низкопробная из всех наук, — сказал О. Генри. И все же именно благодаря статистике мы знаем сегодня, что в нашей стране ежегодно выпускается 40 миллионов тонн доменных шлаков, 15 миллионов тонн сталеплавильных и более 10 миллионов тонн шлаков цветной металлургии.

— История — это болтовня, — заявил когда-то старый Генри Форд. И он прав, если говорить об истории развития шлакоперерабатывающей промышленности. Вот уже 10 лет мы топчемся почти на одном и том же месте. До сих пор более 15 миллионов тонн доменных шлаков и почти все шлаки сталеплавильной и цветной металлургии выбрасываются в отвалы.

— Дайте мне хорошую рекламу, и я буду продавать старые свинцовые пули вместо таблеток от кашля, — сказал один из героев того же О. Генри. Англичане придумали для щебня из мартеновских шлаков броское название «силит». И силит пошел за милую душу для строительства автомобильных дорог. Отметим кстати, что в Англии давно уже используются отвалы доменных шлаков, а шлаки текущего выхода сразу же перерабатываются в дорожный щебень, заполнитель для бетона и балласт для железных дорог.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, — сказано в одной из книг Ильфа и Петрова. Действуя в соответствии с этим принципом, дорожники сами занялись кустарным производством щебня из доменных отвальных шлаков, которых скопилось около 300 миллионов тонн. Подсчитано, что вместе со щебнем из-

О БЕРНОМ ГЕРЦОГЕ И ЕГО НАСЛЕД НИКАХ

за отсутствия магнитной сепарации каждый год вывозится на дороги столько металла, сколько его производит металлургический завод средней мощности. Зачем быть мелочным, если страна наша большая и богатая?

— Можно ли подкладывать под курицу вареные яйца? Ученые утверждают, что можно, но цыплята в этом случае не выплутятся. Харьковский «Промстройниипроект» после ряда лет научных поисков разработал наконец способ производства высокопрочного щебня из доменных шлаков и взял на него авторское свидетельство № 184696. По-видимому, прочный шлаковый щебень получить таким способом действительно можно, но он будет в несколько раз дороже привозного гранитного. С таким же успехом можно делать щебень из битых фарфоровых изоляторов, мобилизовав для их заготовки школьников с рогатками.

— Это типичное не то и даже совсем наоборот, — говорят некоторые остряки. Гос-

план и Госстрой СССР хотя бы широко использовать металлургические шлаки, но получается «совсем наоборот». Они не знают, что из них изготовлять, сколько изготовлять, как изготовлять и кому продавать. И никак не догадываются тщательно подготовиться и провести всесоюзное совещание по этому вопросу с участием всех заинтересованных министерств, научно-исследовательских и производственных организаций. А шлаки тем временем летят в отвалы.

— Простите, мне вашего не нужно, мне и чужого хватит! — говорил своим знакомым известный одесский налетчик Мишка Япончик. «Простите, произошла ошибка», — говорят руководители заводов местным жителям, когда под грудой шлака оказываются погребенными индивидуальные сады и огороды. И начинают лить шлаки на колхозные и совхозные поля и на соседние рощи. Шлаковыми отвалами занята площадь, в 4—5 раз превышающая территорию самих заводов. Ряд промышленных городов находится как в кратере вулкана — со всех сторон горы пустой породы и шлаков.

— Чем дальше в лес, тем больше дров, — гласит старая русская поговорка. С точки зрения многих ученых, эту поговорку нужно сформулировать так: «Увеличение топливных ресурсов по мере углубления в лесной массив». Серьезные научные работы, посвященные изучению способов переработки шлаков, недоступны по изложению рядовому инженеру. До сих пор по шлакам не издано ни одного специального учебника, написанного доступным языком и на высоком научном уровне.

Специалисты по переработке шлаков не являются представителями очень уж древней профессии. Но все же этой профессии в 1970 году исполнится 400 лет, если вести счет с ее родоначальника. Кто же готовит специалистов именно этой профессии? Оказывается, никто.

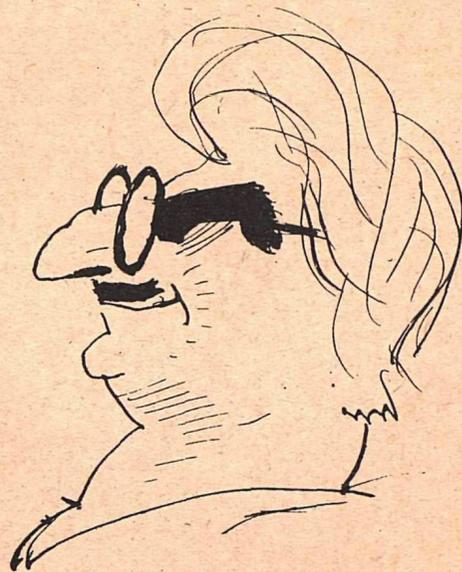
— Все хорошо, что хорошо кончается, — утверждает народная мудрость. Будем надеяться, что поговорка оправдается по отношению к переработке и использованию шлаков.

О. ЯКУНИН,
кандидат технических наук

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимир Александрович ГАЛЬБА

(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. МУРАТОВА

Генрих Оскарович ВАЛЬК

(К 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Бывшего кассира пригласили работать диктором. В первый же день, начиная передачи, он сказал: «Говорит Эиск! Местное время 16 рублей 20 копеек».

Пьяный муж, возвратившись домой: «Эй, где ты, моя дрожжащая половина?»

Семитонное собрание сочинений.

г. Казань.

М. ВАХИТ.

Правой рукой анонимку пишет только левша. Самореклама — наиболее популярный вид самообслуживания.

г. Минск.

М. МАТРЕЙ.

МИМОХОДОМ

Найдя самого себя, поэт потерял читателей.

Произведение большого искусственного дыхания.

Правило без исключения — это исключение из правила.

— Больше дела, меньше слов! — требовал редактор от составителя словаря.

г. Кишинев.

Б. РАБИИ.

Пожарную команду вызвали зря: огонь вдохновения оказался бенгальским.

Дефицитные пилюли в позолоте не нуждаются.

Детей, как известно, находят в капусте. Подозреваю, что некоторых из моих знакомых когда-то нашли в кислой капусте.

«Их вино веритас» (истина в вине) — конспективное изложение того факта, что любую истину можно утопить в вине.

г. Рига.

Ц. МЕЛАМЕД.

Мистер Браун читает вслух газету: «Статистикой доказано, что из каждых двухсот мужчин только один бывает ростом в 1 метр 90 сантиметров».

— Странно, — замечает жена. — Всякий раз, когда я бываю в кино, именно этот двухсотый сидит впереди меня.

На соревновании велогонщиков чемпион мира вырвался вперед. Вскоре он услышал, что его догоняют. Он изо всех сил нажал на педали своего гоночного велосипеда, но это не помогло. Небритый гражданин на старом, ржавом велосипеде догнал чемпиона и спросил: — Думаешь, мы еще успеем в винный магазин до закрытия?

Полисмен — шоферу: — Почему вы превысили скорость? — У меня сдали тормоза, и я хотел приехать раньше, чем произойдет авария.

Судья, обращаясь к подсудимому: — Можете вы доказать свою невиновность? — Конечно, но дайте мне подумать. — Хорошо. Даю вам на это пять лет.

Американский миллиардер — своему приятелю, который хочет занять у него денег: — Что угодно, дорогой, только не деньги! Это единственная память об отце, которая у меня осталась.

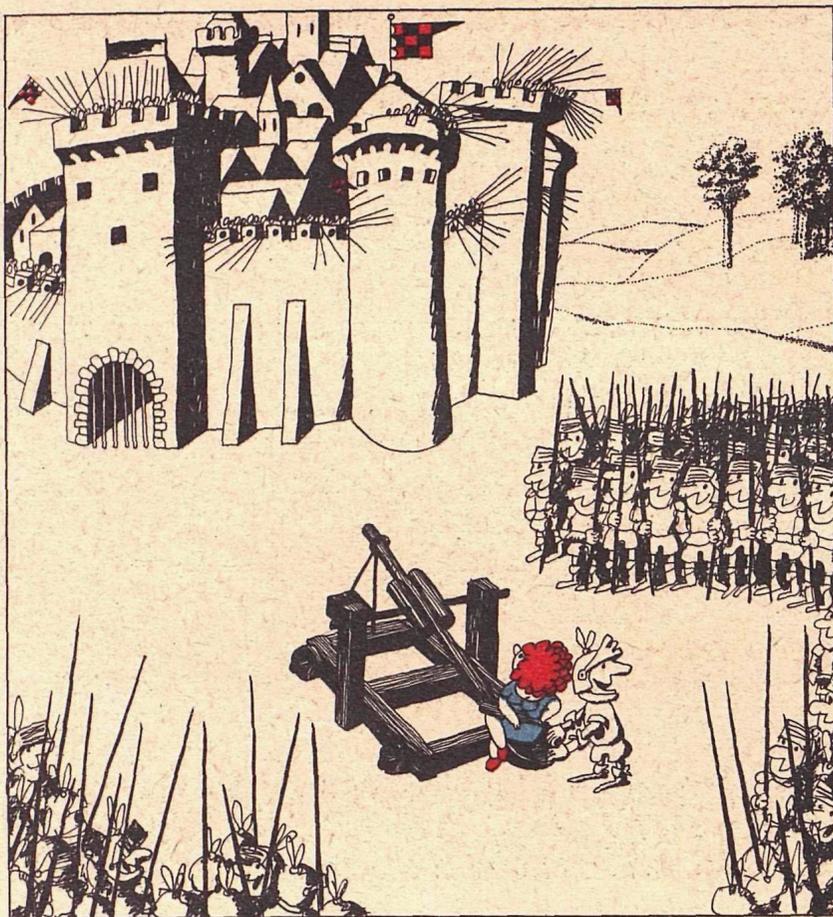
Подруга — подруге: — Я же тебя просила по-никому не говорить, что я выхожу замуж. — А я никому и не говорила. Я только спросила у Вали и Галины, пригласила ли ты их на свадьбу.

Судья оправдал обвиняемого в краже. Адвокат обращается к нему: — Ну как, довольны вы моей защитой? — Вообще-то да, но если бы я знал, что невиновен, я совсем не брал бы адвоката.

Двое мужчин беседуют о своих женах. — Моя жена постоянно говорит мне о своем бывшем муже. — А моя о будущем.

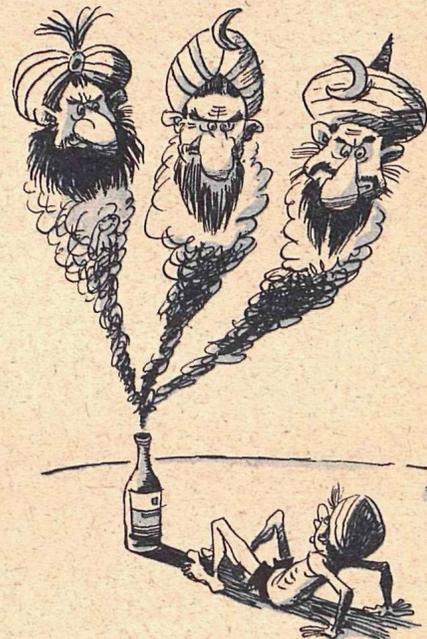
Молодая женщина приходит в кондитерскую и говорит: — Нет ли у вас торта, который немного подгорел с одной стороны? Я хочу, чтобы муж подумал, будто я испекла его сама.

Мышь возвращается в норку вся исцарапанная, с разорванным ухом: — Ну, кто из вас не верил, что черные кошки приносят несчастье?

— Вы плохо знаете мою жену. Уже к вечеру они сдадутся!..

Рисунок А. СЕМЕНОВА

На троих

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Понимаешь, надоело каждый раз мотаться туда-сюда..

Рисунок М. УШАЦА

ЖАМИДИН

Миниатюры

ЧТО Я ХОТЕЛ СКАЗАТЬ!

Свою поэму в переводе прочел поэт и, как в бреду, подумал: «Все понятно вроде... Но что же я имел в виду?!»

К ЧЕМУ СПОРИТЬ!

Невеста, выйдя замуж, сначала Чуралась, как огня, домашних дел. Свекровь, конечно это огорчало. А свекор с горя даже поседел...

Свекровь сказала свекру при невестке: — Я подмету сама, уж ты прости, Поскольку ты мужчина, неуместно Тебе брать веник в руки и мести...

А он в ответ (и при невестке тоже): — Нет, это мне удобней подметать, А вот тебе мести полы негоже: Ты пожилая женщина, ты мать!

— Напрасный спор, — невестка их прервала, Взор отведя от зеркала на миг, — Сегодня бы, старуха, ты прибрала, А завтра пусть потрудится старик!

ПО-ДОМАШНЕМУ...

В Евпатории была сдана в эксплуатацию новая больница. И, как оказалось потом, с уймой недоделок. Несколько месяцев возились с ними.

А все дело было в том, что старший инспектор Госархстройконтроля В. А. Стельмах, подписавшая акт приемки, доводилась женой старшему прорабу этого строительства. Фельетон об этом («Все было по-домашнему...») был опубликован в № 35 за прошлый год.

Председатель Евпаторийского горисполкома Л. Мысов сообщил, что фельетон обсуждался на заседании исполкома и признан справедливым. Намечены меры, направленные на улучшение качества строительных работ. В. А. Стельмах предупреждена.

И еще одно сообщение пришло в редакцию. Секретарь Крымского обкома партии А. Макухин пишет, что бюро обкома наказало и тов. Мысова «за нарушение установленного порядка приемки в эксплуатацию некоторых городских объектов».

НА СОЛНЫШКО!

В городе Нукусе сияет солнышко. Под его лучами, сидя на скамейках, блаженствуют жители микрорайона № 21. Они отогревают косточки, изрядно померзшие зимой в квартирах.

Что касается директора домостроительного комбината тов. Магницкого, то его пришлось вывести на солнышко за ушко. Это он не позаботился наладить зимой отопление в квартирах. Виновник с работы снят.

Надеемся, что будущей зимой нам не придется больше получать жалобы нукусских горожан на холодное равнодушные коммунальщики.

ЧТОБЫ НЕ ХРОМАЛА

Одни шоферы Торезской автобазы ездили по принципу, куда кривая вывезет: в кювет — так в кювет, в забор — так в забор. Другие ездили туда, куда их за определенную мзду посылали «левые» заказчики. Происходило все это потому, что на автобазе хромала на все четыре колеса дисциплина. А укреплять ее руководству автобазы не торопились.

Такие факты содержались в письме, полученном редакцией.

Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии УССР после проверки сигналов уведомило «Крокодил», что директору автобазы Г. Лысенко объявлен выговор, начальник отдела эксплуатации В. Миусский и начальник автоколонны А. Растегаев получили по строгому выговору.

ДОШЕЛ ДО АВТОРУЧКИ

Эта характеристика поступила в редакцию из Богградского зерносовхоза, Красноярского края. Ее составили рядовые работники совхоза. Вот она:

Гайдунов С. Г. — заместитель директора. Грубит подчиненным. Скрывает от учета в сельсовете две головы крупного рогатого скота, имеющегося в личном хозяйстве. Спекулирует авторучками(!).

Красноярский крайком партии подтвердил точность характеристики.

С. Г. Гайдунов уже не работает заместителем директора. Кроме того, ему по партийной линии объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

МЕЛОЧИ...

— Разве так выгружают? — недоумевал составитель поездов на станции Пишпек В. Карп. — В вагонах остаются десятки килограммов угля.

— Мелочи, — отвечали ему. — И еще десятки на путях где попало рассыпаны, — не сдавался В. Карп.

— Пустяки, — следовал ответ. — Пришлось составителю поездов сесть и составить письмо Крокодилу.

За эти «мелочи» и «пустяки» руководство грузовой службы Казахской железной дороги сделало строгое внушение начальнику механизированной дистанции погрузочно-разгрузочных работ ст. Пишпек тов. Копаневу. Усилен контроль за обработкой вагонов.

«ХОРОШО БЫТЬ КУРИЦЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ»

Ураган оказался весьма прибыльным природным явлением для родственников Джабраила Бабаева. Ураган учинил кое-какие разрушения, и для помощи пострадавшим были выделены деньги.

Дело в том, что Бабаев — председатель Тангерудского сельсовета. И родственники у него в наличии, и кунаков в достатке. Вот Бабаев и одарил их за счет государства. Выдал пособие родным и близким как сильно пострадавшим, хотя ураган их хозяйствам не принес ущерба. Об этом был в № 7 «Крокодила» фельетон «Хорошо быть курицей председателя».

Секретарь ЦК КП Азербайджана Г. Кязимов сообщил редакции, что за свою дружески-родственную щедрость Д. Бабаев на сессии сельского Совета освобожден от обязанности председателя сельсовета.

СКАЖУ ЧЕСТНО...

— Ну, земляки, мне боязно признаться, — Сказал пастух на сходе земляков, — Сегодня я в лесу увидел, братцы, Скажу вам честно, стаю в сто волков! — Ну так уж сто! — сказал один из старших. — Я век живу и так скажу, земляк, Что ста волков не сыщешь в чащах наших... — Пускай не сто, но пятьдесят — верняк! — Ты что, в очках глядел на волчью стаю? А может быть, с утра успел «принять»?

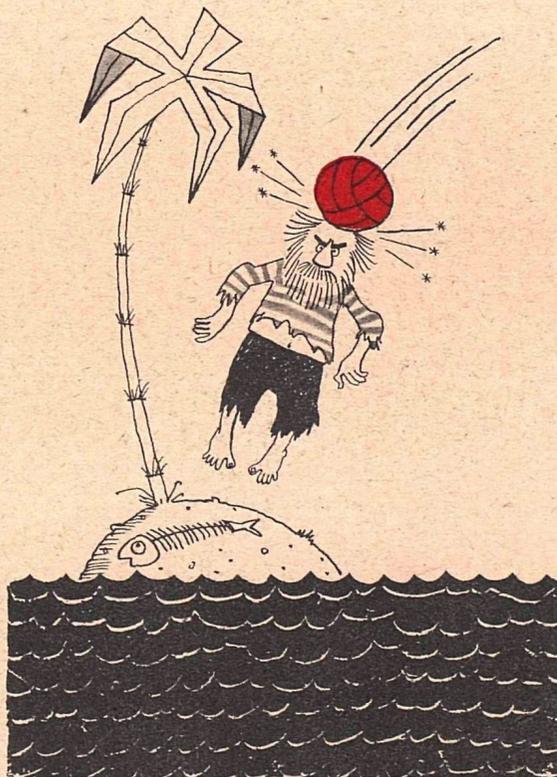
— С утра не пью и без очков считаю — Наверняка их было двадцать пять! — Сам посуди, кто всех сюда занес их? Их двадцать пять не может вместе быть... — Не верите вы мне? Свидетель — посох: Всех пятерых успел я перебить! — Тут одного, не то что пять, не встретишь Ни в поле, ни в лесу, ни у воды... — Не веришь мне? Так, может быть, ответишь, Чьи это утром видел я следы?!

Перевел с лезгинского Андрей ВНУКОВ.

Директор магазина «Игрушки» едет на работу...

Рисунок А. ГРУНИНА

Штрафной пробили...

Рисунок Е. ГУРОВА

№ 15 (1881)

ГОД ИЗДАНИЯ Сорок шестой

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Г. Андрианов, М. Битный, М. Вайсборд, В. Гинунов, Е. Горохов, А. Грунин, В. Жаринов, Н. Лисогорский, А. Семенов, Н. Станиславский, И. Сычев, В. Тесленко.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

5 0-10-86
5 3-34-37

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

- А. Н. ВАСИЛЬЕВ
- М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
- А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь]
- Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора]
- Б. Е. ЕФИМОВ
- В. Д. НАДИН
- И. М. СЕМЕНОВ
- С. В. СМИРНОВ
- А. А. СУКОНЦЕВ
- А. И. ХОДАНОВ
- Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00097. Подписано к печати 17/V 1968 г. Формат бумаги 70x108 1/4. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 4 600 000 экз. (1 завод: 1—3 873 150). Изд. № 762. Заказ № 1395.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

18
ЯМАЯ

— Не могу больше терпеть! Нужно объявить войну бедности!

